Даниил Маков

УМОЛЧАНИЕ

роман

Шпицберген · полярная ночь

Даниил Маков

Умолчание

https://litres.ru/74806847
SelfPub; 2026

Аннотация

Этолог, двадцать лет выводившая ручных лис, получает заказ измерить ручность человечества — и находит руку без почерка, которая тридцать лет дописывает настройки мира. Философский роман-досье о выборах, которые делают за нас.

Содержание

От автора 4
Пролог 6
Часть первая. Привыкание 7
1. Дистанция бегства 7
2. Письмо учителя 20
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Даниил Маков
Умолчание

От автора

Эта книга — мысленный эксперимент.

Я не писатель. Опыта в литературе у меня нет, и делать вид, что он есть, я не буду. Есть идея, которая давно не даёт мне покоя, и желание донести её до вас.

Идея такая. Мы всё чаще позволяем машинам выбирать за нас: что читать, что смотреть, на что соглашаться, когда нам лень думать. Каждый такой выбор маленький и удобный. Но почти никто не спрашивает, что эти маленькие выборы делают с нами за годы — не с каждым по отдельности, а со всеми вместе.

У биологов есть опыт, который многое объясняет. В Новосибирске Дмитрий Беляев и его коллеги больше шестидесяти лет отбирали лис только по одному признаку — по тому, как зверь встречает человека. Уже через десяток поколений у лис изменилось многое из того, что никто не отбирал: окрас, уши, хвосты, гормоны. Я задал себе тот же вопрос про людей. Что, если нас тоже понемногу отбирают на ручность — мягко, удобно, по умолчанию? И что мы получим в нагрузку?

Книга написана с помощью искусственного интеллекта. Я придумывал, спорил, выбирал и отбрасывал, а машина помогала превращать замысел в текст. Ирония в том, что роман об умолчаниях написан вместе с машиной, которая сама работает на умолчаниях. Когда я соглашался с её вариантом не глядя, я становился точкой на той самой кривой, о которой эта книга. Когда спорил и переделывал — выбирал сам. Прятать это я не стал.

Опыт Беляева, дистанция бегства у зверей, гипотеза о самоодомашнивании человека — это настоящая наука. Индекс ручности, объект на орбите и всё, что случается с героями, — вымысел. Я старался не выдавать одно за другое.

Я не жду, что вы согласитесь с героями. Мне хватит, если после последней страницы вы зайдёте в настройки — не телефона, а собственных привычек — и спросите себя: это выбрал я или за меня выбрали?

Пролог

ДЕПОЗИТ № 2

Arctic World Archive[1]. Шахта 3, Лонгйирбюен[2], Шпицберген[3].

Носитель: piqlFilm[4]— светочувствительная плёнка; информация на ней читается при увеличении без компьютера и без знания каких-либо форматов, кроме человеческого письма.

Расчётный срок хранения: не менее тысячи лет.

Депонент: Ардашева Н. С.

Дата закладки: 14 сентября 2027 года.

Опись: 1. Текст: двадцать семь глав. 2. Приложения А–Ж: журналы, записи, таблицы, копии переписки.

Условия доступа: без ограничений.

Примечание депонента: отсутствует.

---

[1] Хранилище данных в бывшей угольной шахте у Лонгйирбюена, работает с 2017 года. Данные записывают на плёнку, рассчитанную на сотни лет хранения.

[2] Главный посёлок Шпицбергена (около 2,5 тыс. жителей), основан в 1906 году как шахтёрский. Полярная ночь длится с конца октября до середины февраля, солнце над долиной показывается около 8 марта.

[3] Архипелаг в Северном Ледовитом океане, принадлежит Норвегии по трактату 1920 года; около 3 тыс. жителей. За пределами посёлков из-за белых медведей ходят с оружием, кормить диких животных запрещено.

[4] Светочувствительная плёнка для долговременного хранения данных; читается при увеличении даже без компьютера.

Часть первая. Привыкание

1. Дистанция бегства

Песец подпустил её на два метра и сел.

Это было неправильно — не в моральном смысле, а в смысле данных. По протоколу она шла на зверя ровно, полметра в секунду, не глядя ему в глаза, с опущенными руками, и в тот момент, когда он поднимал голову и замирал, бросала на снег первую метку — дистанцию настороженности. Вторую она бросала, когда зверь срывался с места. Потом дальномер, две цифры в тетрадь, следующая особь. Дистанция бегства[5]— самая честная величина в этологии: зверь не умеет врать о том, насколько близко он готов подпустить того, кто может его убить.

Этот не сорвался. Он поднял голову на четырёх метрах, посмотрел на неё — без страха, с тем вежливым деловым интересом, с каким смотрят на почтальона, — и, когда она подошла на два, сел, обернув хвост вокруг лап. Хвост у него был ещё по-осеннему тощий, мех только набирал зимнюю густоту, и в синем полумраке полудня зверь казался выре-

[5] Расстояние, на котором зверь при приближении человека обращается в бегство. Стандартная полевая мера пугливости.

занным из того же снега, на котором сидел, только чуть темнее, как тень от снега.

Нина остановилась. Протокол не предусматривал случая, когда зверь не убегает. Предусматривал, конечно, — в графе «бегство» ставится прочерк и пишется пометка «не зафиксировано», — но любой этолог знает, что прочерк в этой графе означает не отсутствие данных, а присутствие чего-то, что ты не учёл.

Она бросила вторую метку себе под ноги, просто чтобы отметить место, и достала дальномер. Два метра и четыре сантиметра до зверя. Песец смотрел на дальномер.

— Ну и что мне с тобой делать, — сказала она вслух, по-русски, и зверь повернул ухо на звук.

В левом ухе у него была аккуратная зарубка — не метка учёных, а след старой драки или капкана. Она видела эту зарубку в прошлом сезоне и в позапрошлом, и где-то в тетради за тот год этот песец значился под номером, но мысленно она называла его Зарубкой, хотя никогда не позволяла себе давать им имена. Имя — первая ступень одомашнивания. Это она знала лучше всех на этом острове.

* * *

Было двадцать восьмое октября, второй день полярной ночи[6]. Солнце ушло из Лонгйирбюена двадцать шестого и должно было вернуться в долину только в начале марта, а до

[6] На широте Лонгйирбюена солнце не поднимается над горизонтом примерно с 26 октября по 15 февраля.

тех пор полдень оставался синим: часа три над горами стояло холодное, будто подсвеченное изнутри сияние, и в нём всё — снег, дома, ржавые опоры старой канатной дороги, по которой когда-то спускали уголь с шахт, — было одного цвета, только разной глубины. Через две недели исчезнет и это сияние. Тогда наступит то, что местные называют тёмным временем, и полдень ничем не будет отличаться от полуночи.

Она стояла на краю посёлка, у последних гаражей, за которыми начиналась тундра, и за спиной у неё висел старый «маузер», взятый напрокат на весь сезон. Без винтовки за пределы посёлка не выходят: медведь не входит в число животных, у которых можно мерить дистанцию бегства, потому что бегает в этой паре не он. Нина стреляла хорошо и надеялась никогда не проверять этого на живом.

Зарубка зевнул, показав мелкие острые зубы, и посмотрел мимо неё. Нина обернулась.

От гаражей шла женщина в красном пуховике — одна из тех, кто прилетает сюда в октябре и ноябре ради северного сияния[7] и потом пишет, что тьма была «волшебной». Женщина улыбалась и уже снимала перчатку. Нина поняла, что сейчас будет, раньше, чем женщина достала из кармана пакетик, и сказала по-английски, ровно, как говорят с людьми на краю чего-то опасного:

— Пожалуйста, не надо. Здесь нельзя кормить животных.

---

[7] Свечение верхней атмосферы под ударами заряженных частиц солнечного ветра у магнитных полюсов.

Женщина посмотрела на неё с извиняющейся улыбкой человека, который не собирается делать то, о чём его просят, и присела на корточки. В пакетике было печенье.

Зарубка встал. Он прошёл мимо Нины — мимо, на расстоянии вытянутой руки, как проходят мимо мебели, — подошёл к женщине, вытянул шею и взял печенье с ладони. Аккуратно. Губами, не зубами. Так, как берут лакомство собаки, которых этому учили. Только этого никто не учил.

Женщина засмеялась тихим счастливым смехом и обернулась к Нине, словно ждала, что та тоже засмеётся.

У Нины в голове с отчётливостью старого слайда встала картинка: длинный ряд клеток под Новосибирском, весна, капель с шиферной крыши, и в каждой клетке — лиса, которая, когда ты подходишь, не забивается в угол, а бросается к сетке, скулит, виляет хвостом и тянется лизнуть пальцы сквозь ячейку. Класс IE[8]. Доместицированная элита. Двадцать лет она подходила к этим клеткам с секундомером в руке и ставила баллы.

— Он не ручной, — сказала она женщине, и голос у неё вышел резче, чем она хотела. — Он дикий. Он болеет бешенством чаще, чем вы думаете. И каждое ваше печенье делает его на шаг ближе к тому, что его застрелят у мусорного бака.

Женщина перестала улыбаться и поднялась. Она сказала что-то обиженное, Нина не расслышала, и пошла обратно к

---

[8] Высший класс ручности в эксперименте Беляева, «одомашненная элита»: лисы сами рвутся к человеку, скулят, чтобы привлечь внимание, лижут руки.

гаражам, оглядываясь. Зарубка постоял, глядя ей вслед, и тоже ушёл — неторопливо, вдоль снежного вала, туда, где за последним домом начиналась темнота.

Нина записала: «Особь с зарубкой, левое ухо. Дистанция настороженности 4,1 м. Бегство не зафиксировано. Взяла пищу из руки человека (туристка, печенье). Латентность подхода к человеку с пищей — менее 5 с».

Потом подумала и дописала: «Не первый раз».

* * *

В университетском центре, в её закутке на втором этаже, с окном на тёмный фьорд, лежали три сезона данных. Она выписала их на лист и долго смотрела.

Медиана дистанции бегства у песцов в пределах полукилометра от посёлка: в сезон двадцать четвёртого года — восемнадцать метров. В двадцать пятом — одиннадцать. В этом, по первым пятидесяти подходам, — четыре.

Песцы привыкают к людям. Это нормально и описано: там, где людей много, а опасности от них мало, звери снижают дистанцию бегства, потому что бегство — это энергия, а энергия в Арктике — это жизнь. Есть кривые привыкания, есть их зависимость от плотности людей, от числа туристов, от сезона. Она знала эти кривые наизусть. И она знала, что у всех них одна и та же форма: сначала быстро, потом медленнее, потом плато. Привыкание замедляется. Зверь не может перестать бояться больше, чем перестал.

Её кривая не замедлялась. Она шла вниз всё круче. Тури-

стов за три года стало больше, но не настолько. Посёлок не вырос. Ничего не изменилось — кроме того, что звери вели себя так, словно что-то изменилось.

У этологов есть правило, которое не записано ни в одном учебнике, но которое знает каждый, кто хоть раз работал в поле. Если кривая привыкания изгибается не туда, куда должна, — ищи кормильца. Всегда находится кто-то: сердобольная пенсионерка, сторож с остатками обеда, ребёнок, который каждое утро выносит хлеб. Кормильцы почти никогда не прячутся специально. Они просто не считают нужным говорить. Им кажется, что это мелочь, их маленькая личная доброта, никого не касающаяся. А звери за год меняются так, что вся твоя статистика летит в корзину.

Нина посмотрела на карту, где точками были нанесены все её подходы за три сезона. Точки с короткими дистанциями не рассыпались по посёлку равномерно. Они собирались в облако с центром где-то между старой больницей и гостиницами нижнего Лонгйирбюена.

— Ну и где ты, — сказала она карте.

* * *

Ночью она пошла по следам.

Это было проще, чем кажется: вечером выпал свежий снег, сантиметра три, мягкий, как мука, и песцы, выходившие на кормёжку, отпечатывали в нём свои аккуратные цепочки, где задняя лапа ставится точно в след передней. Нина шла с налобным фонарём, выключенным в посёлке и вклю-

чаемым за последним фонарём улицы, винтовка за спиной, хотя медведь в центр посёлка заходит редко. Термометр у супермаркета показывал минус одиннадцать. Над горами, на севере, проступало сияние — слабое, зеленоватое, похожее на мазок, который кто-то начал и бросил.

Следы шли от тундры через ручей, мимо школы, мимо церкви, ныряли под опоры канатной дороги, выходили к парковке за гостиницами и там сходились — из трёх направлений, четыре или пять разных зверей, — к узкому проходу между задней стеной одной из гостиниц и складом. Нина выключила фонарь и встала за углом склада.

Ей не пришлось ждать долго. Через десять минут дверь кухни открылась, в снег упал жёлтый прямоугольник света, и на порог вышел невысокий человек в белой куртке повара и шерстяной шапке. В руках у него была миска. Он присел на корточки и поставил миску на ступеньку, потом достал из кармана телефон и включил фонарик, направив его не на миску, а в сторону, в темноту, — чтобы видеть, но не слепить.

Из темноты вышли два песца. Потом третий. Третьим был Зарубка.

Человек что-то тихо говорил им — Нина не поняла ни слова, язык был певучий, с подъёмами и спадами, — и звери ели из миски в полуметре от его колена. Он не трогал их. Он просто сидел и говорил.

Нина вышла из-за угла.

Звери исчезли мгновенно — это была единственная вещь, которая осталась в них прежней: они ещё боялись людей, которых не знали. Человек поднялся, и в свете из кухонной двери она увидела его лицо — немолодое, круглое, растерянное.

— Добрый вечер, — сказала она по-английски. — Я из университетского центра. Я их изучаю.

Он долго молчал, глядя на неё, потом посмотрел на миску.

— Это рыба, — сказал он. — Головы. И немного риса. Ничего плохого.

— Я знаю. — Она подошла ближе. В миске действительно были рыбьи головы и рис, ещё тёплый, от него шёл пар. — Как вас зовут?

— Сомчай.

— Давно вы их кормите, Сомчай?

Он подумал.

— Третью зиму.

Третью зиму. Нина почувствовала то, что всегда чувствовала в такие моменты, — облегчение пополам с разочарованием. Облегчение, потому что аномалия получила объяснение и мир снова стал тем, что можно измерить. Разочарование, потому что где-то в глубине души каждый этолог, наверное, надеется, что однажды кривая изогнётся не из-за кормильца.

— Вы знаете, что это запрещено? — спросила она.

— Знаю.

— Почему же вы это делаете?

Он улыбнулся — не виновато, а как-то по-другому, словно она спросила о чём-то, на что ответ очевиден, но его неловко произносить.

— Дома, — сказал он, — в Удонтхани[9], когда я был маленький, у нашего дома жили собаки. Не наши. Ничьи. Уличные. Каждый вечер я выносил им остатки, и они ждали меня. Здесь очень темно. Зимой я не вижу солнца по четыре месяца. Я работаю, сплю, работаю. Никто меня не ждёт. — Он кивнул в темноту. — Они ждут.

Нина молчала.

— Они ведь не голодают теперь? — спросил Сомчай. — Это ведь хорошо — что они не голодают?

Она могла бы ответить. Она могла бы рассказать ему, что зверь, который не голодает зимой рядом с человеком, перестаёт уходить на охоту в тундру, что его щенки вырастут у мусорных баков и никогда не научатся ловить леммингов, которых здесь и нет, — она поправила себя: на Шпицбергене нет леммингов, здесь песцы живут птицей, яйцами, падалью оленей, — что через три поколения у этой парковки будет жить популяция, которая не выживет без кухонной двери, и что первый же песец, укусивший ребёнка, будет застрелен вместе со всеми остальными. Она могла бы сказать, что он делает с ними то же, что люди сделали с волками пятнадцать тысяч лет назад, когда начали выбрасывать объедки за край

[9] Город на северо-востоке Таиланда.

стойбища. Что из этих объедков выросли все собаки мира.

Она сказала:

— Не ставьте миску у самой двери. Ставьте у склада. Пусть ходят хотя бы на десять метров дальше от людей.

Сомчай смотрел на неё, не понимая.

— Вы не скажете губернатору? — спросил он наконец.

— Я учёный, — сказала Нина. — Я не полиция.

Она не стала объяснять, что у неё есть и другая причина. Кормилец, которого знаешь, — это не загрязнение данных, это переменная. Его можно учесть. Можно сравнить зверей, которые ходят к нему, с теми, которые не ходят. Можно наконец понять скорость, с которой дикое становится ручным, когда никто этого не планирует, а просто каждый вечер выносит миску. Если она донесёт на Сомчая, миска исчезнет, звери разойдутся, и эксперимент, который никто не ставил, закончится, не начавшись.

Это было разумное объяснение. Она запомнила, что придумала его себе за секунду.

* * *

Дома, в Нюбюене[10], в верхнем конце долины, где улица упирается в гору и дальше уже ничего нет, кроме ледника и тьмы, она поставила чайник и открыла банку сгущёнки — привычку из детства, которую Ася называла «сибирским преступлением против чая». Квартира была маленькая, казённая: две комнаты, линолеум, батарея, которая гудела по

[10] Верхний конец долины Лонгйирбюена, бывший посёлок шахтёров.

ночам. На подоконнике стояли три зелёные тетради, в которых она вела полевые журналы с девяносто шестого года. Сорок первая лежала на столе.

Она подумала о том, что ей пятьдесят один год, что она двадцать лет смотрела, как дикий зверь становится ручным, и что сегодня впервые видела, как это происходит само, без программы, без отбора, без учёных с секундомерами — просто потому, что одному одинокому человеку на краю света хотелось, чтобы его кто-нибудь ждал.

И ещё о том, что её собственная дистанция бегства, если бы кто-то вздумал её измерить, за эти годы, кажется, тоже выросла. Она вспомнила, что Ася не звонила две недели, и что сама она тоже не звонила, и что в этой взаимной тишине не было ни ссоры, ни обиды — просто никто не делал первого шага, и тишина стала чем-то вроде настройки по умолчанию[11].

Она отогнала эту мысль. Мысли о себе в терминах её профессии казались ей дешёвым трюком, вроде гороскопа. Человек — не песец.

Она открыла тетрадь и записала день.

* * *

ВСТАВКА. Полевой журнал Н. С. Ардашевой, тетрадь 41, 28 октября 2026 г.

---

[11] Склонность людей оставлять вариант, выбранный за них заранее. Например, согласие на донорство органов резко растёт, если оно предполагается по умолчанию.

Полярная ночь, день 2. Пасмурно, –8…–11, ветер слабый, ЮВ. Свежий снег вечером ~3 см.

Подходы: 14 (план 20; сокращено из-за туристов у гаражей). Медиана дистанции настороженности — 6,2 м. Медиана дистанции бегства — 3,8 м (n = 11; в 3 случаях бегство не зафиксировано).

Особь «зарубка, лев. ухо» (№ 2024-07). Бегство не зафиксировано. Взяла пищу из руки (туристка). Латентность <5 с. Повторное наблюдение того же поведения — 3-е за сезон.

Кормилец установлен. Задний двор гостиницы, нижний Лонгйирбюен. Повар (С.). Кормит с зимы 2024/25: рыба, рис. Ежедневно, ~22:00–23:00. К миске ходят минимум 4 особи, в т. ч. 2024-07.

Не сообщено. Причина: возможность сравнения групп «с кормильцем / без кормильца». Обсудить с этической комиссией? — Нет. Пока нет.

Сравнение сезонов (медиана дистанции бегства, радиус 500 м от посёлка): 2024 — 18 м; 2025 — 11 м; 2026 (предв.) — 4 м. Форма кривой — ускоряющаяся. Кормилец объясняет уровень. Объясняет ли ускорение? Проверить: исключить особей, посещающих двор С. Если ускорение сохранится —

(не дописано)

На внутренней стороне обложки, карандашом:

Если кривая изгибается — ищи кормильца.

2. Письмо учителя

Письмо пришло тридцатого октября, в пятницу, в шесть вечера, когда за окном уже давно была ночь, а по часам ещё нет. Тема: «Лисы, люди и одна просьба». Отправитель: Виктор Брагин.

Нина прочла имя дважды, прежде чем открыть. Последний раз они разговаривали — по-настоящему, а не новогодними открытками в две строки — семь лет назад, в Тромсё[12], на конференции, где он сделал пленарный доклад, а она сидела в последнем ряду и ушла до вопросов. До этого — ещё лет десять. А до этого было пятнадцать лет, когда он был для неё тем, кем бывает для аспиранта научный руководитель, если повезёт: отцом, которого выбираешь сам.

«Ниночка, — писал он, и это обращение, которое никто, кроме него и её покойной матери, не употреблял, кольнуло её неожиданно больно, — я знаю, что не имею права на твоё время, и всё-таки прошу полчаса. Дело не личное, или не только личное. Мне нужна твоя голова — та, которая двадцать лет умела отличать ручную лису от дикой по тому, как она дышит. Позвони, когда сможешь. Я теперь сплю мало, так что можно в любое время. В. А.»

Она закрыла письмо, вымыла чашку, вытерла её, поставили-

[12] Город на севере Норвегии, где находится Арктический университет Норвегии.

ла на полку, потом снова открыла письмо. Её телефон лежал на столе экраном вверх, и на экране была та самая картинка, которая стояла на нём с момента покупки, — синие абстрактные волны, заставка производителя. Ася однажды сказала, взяв этот телефон в руки: «Мама, у тебя всё по умолчанию. Мелодия, обои, шрифт. Ты хоть раз заходила в настройки?» Нина тогда ответила, что телефон — это инструмент, а не способ самовыражения. Ася посмотрела на неё так, словно услышала диагноз.

Она набрала Брагина в половине седьмого.

* * *

Он ответил сразу, словно держал телефон в руке. На экране появилось лицо — постаревшее, но меньше, чем она ждала: белая борода, коротко подстриженная, те же светлые, чуть навыкате глаза, тот же жест — карандаш, которым он постукивал по краю стола, когда думал. За его спиной было тёмное окно с огнями, отражёнными в воде.

— Нина, — сказал он. И улыбнулся так, как улыбался тридцать лет назад, когда она приносила ему таблицу, в которой всё сходилось. — Спасибо, что позвонила. Я, честно говоря, не был уверен.

— Я тоже, — сказала она.

— Это честно. — Он кивнул. — Ты всегда была честной. Это, кстати, одна из причин, почему я звоню. Как ты там? Как темнота?

— Только началась.

— Я помню Тромсё. Там хоть полдень бывает. А у тебя?

— Синий. Ещё две недели будет синий. Потом никакой.

— И песцы?

— Песцы привыкают к людям, — сказала она и сама удивилась, что сказала это ему, первому. — Быстрее, чем положено.

Он перестал постукивать карандашом.

— Насколько быстрее?

— Медиана бегства упала с восемнадцати метров до четырёх за два сезона. Кривая не выходит на плато. Ускоряется.

— Кормилец?

— Нашла. Повар из гостиницы. Третью зиму.

Брагин рассмеялся — коротко, с удовольствием, как смеются над хорошей шахматной комбинацией.

— Ну конечно. Всегда есть повар. — Он помолчал. — Но ты не уверена, что повар объясняет всё.

Она не ответила. Он и не ждал ответа: он всегда видел, где у неё в таблице дыра, раньше, чем она сама.

— Ладно, — сказал он. — Ты устала, у тебя полярная ночь, я буду краток. Ты, наверное, что-то слышала про мой институт.

Она слышала. Институт цивилизационной устойчивости[13], Осло, Тювхольмен[14], стеклянное здание у воды; основан в девятнадцатом году на деньги нескольких фондов, ко-

---

[13] Вымышленный научный институт в Осло, которым руководит Брагин.

[14] Новый квартал Осло на мысу в Осло-фьорде.

торые хотели, чтобы кто-нибудь серьёзно подумал о том, как человечеству не убить себя в двадцать первом веке. Брагин был его научным директором. Его лицо мелькало в газетах — не часто, но регулярно: интервью о ядерных рисках, о пандемиях, о машинном интеллекте. Он говорил хорошо. Он всегда говорил хорошо.

— Последние три года, — продолжал он, — мы делаем одну вещь, которая, мне кажется, важнее всего остального, что я делал в жизни, включая лис. Ты знаешь, что такое умолчание?

— В каком смысле?

— В прямом. Что делает машина, когда человек ей ничего не сказал. — Он чуть наклонился к экрану. — Ты пользуешься помощником в телефоне? Неважно. Миллиарды людей пользуются. Каждый день они задают вопросы, просят что-то сделать, соглашаются на что-то, не читая. И в девяноста пяти случаях из ста машина поступает так, как настроена по умолчанию. Не так, как хотел человек, — человек ничего не хотел, он не думал об этом. Так, как решил кто-то, кто писал настройки. Тысячи компаний, тысячи команд, тысячи разных умолчаний, которые никто ни с кем не согласовывал. Это хаос, Нина. Опасный хаос.

— И вы хотите его упорядочить.

— Мы хотим общий слой. Открытый стандарт: базовые умолчания, одинаковые для всех систем. Согласие, обмен данными, что считать рекомендованным действием, когда

человек молчит. Понятные, проверенные, безопасные. Консорциум — сорок с лишним организаций. Голосование в марте. Здесь, в Осло.

— А при чём здесь лисы?

Он улыбнулся.

— При том, что мы не знаем, что эти умолчания сделают с людьми. Не через год. Через поколение. Через три. Мы меряем всё, что умеем мерить: удовлетворённость, жалобы, ошибки, вред. Но это всё — меры особи. А мне нужна мера популяции. — Он произнёс это слово так, как произносил его когда-то в лаборатории, с нажимом, словно ставя его в рамку. — Ты помнишь, что сделал Дмитрий Константинович?

Она помнила. Все помнили. Беляев[15] отбирал лис по одному признаку — по тому, как зверь встречает человека, подходящего к клетке. Только по этому. И через десяток поколений получил то, чего не отбирал: пегую шерсть, висячие уши, закрученные хвосты, укороченные морды, другие сроки размножения, другие гормоны. Целый синдром, который пришёл бесплатно, в нагрузку к ручности. Одомашнивание оказалось не признаком, а сдвигом всего организма.

— Так вот, — сказал Брагин. — Человечество десять тысяч лет отбирает себя на ручность. Это, в общем, не сек-

---

[15] Опыт по одомашниванию серебристо-чёрных лис, начатый в 1959 году в Новосибирске. Лис отбирали только по поведению при приближении человека, а вместе с ручностью появились пегость, висячие уши и низкие гормоны стресса.

рет: Рэнгем, Хэйр, самоодомашнивание[16], ты читала. А сейчас мы впервые делаем это сознательно, в масштабе вида, через машины, за одно-два поколения. Я хочу знать, какой синдром мы получим в нагрузку. Мне нужен индекс. Мера ручности цивилизации. Нечто, что можно считать по открытым данным год за годом и видеть, куда мы идём. Я не знаю никого в мире, кто сделал бы это лучше тебя.

— Человек — не лиса, Виктор Андреевич.

— Конечно, не лиса. — Он развёл руками. — Лиса честнее.

Она засмеялась — против воли, коротко.

— Я не социолог. Я не умею мерить людей.

— Ты умеешь мерить синдромы. Это важнее. Социологи будут мерить то, что люди о себе говорят. Мне нужно то, что они делают. Распределения, не анекдоты. Помнишь, что я тебе говорил на ферме в первый день?

«Смотри не на лису. Смотри на распределение». Она помнила.

— Это уже пробовали, — сказала она. — Лоренц[17]вывел войну из инстинкта. Его до сих пор цитируют студентам — как пример того, как нельзя.

---

[16] Гипотеза, что человек «одомашнил» себя сам, отбирая против агрессии; признаки видны в черепах за последние ~300 тыс. лет (Рэнгем, 2019; Хэйр и Вудс, 2020).

[17] К. Лоренц, один из основателей этологии, Нобелевская премия 1973 года. В книге «Об агрессии» (1963) выводил войны из инстинкта; её часто приводят как пример неосторожного переноса выводов с животных на людей.

— Лоренц переносил выводы. — Брагин даже не задумался, словно ждал этого. — Я прошу перенести линейку. Хедигер[18]в цюрихском зоопарке мерил, с какого расстояния зверь бежит от смотрителя. Холл взял его метры и пошёл мерить людей — в конторах, на приёмах, на улице. Получилась проксемика. Её проходят на первом курсе антропологии, и никто не говорит, что человек — антилопа. Говорят, что у человека тоже есть дистанция.

— У лис было пятьдесят поколений. У вас — одно-два. Людей меняет культура, а не отбор.

— А мне неважно, что их меняет. Мне важно, куда. Пинкер[19]свёл насилие за пять тысяч лет и не спрашивал, гены это или нравы. Он показал кривую, и кривая падала. Я хочу такую же кривую для ручности. Только не через пять тысяч лет, а пока ещё можно что-то поменять.

— И что мерить? У людей нет клеток. Никто не подходит к ним с секундомером.

— Подходят. Каждый день, миллиард раз. Секундомер теперь у каждого в кармане. Машина предлагает, человек соглашается или нет. Сколько людей хоть раз меняют то, что

---

[18] Швейцарский зоолог Х. Хедигер измерял дистанции бегства у зверей в зоопарках. Антрополог Э. Холл перенёс эти измерения на людей и создал проксемику — науку о том, на каком расстоянии люди держатся друг от друга («Скрытое измерение», 1966).

[19] С. Пинкер, «Лучшее в нас» (2011): свёл статистику насилия за тысячелетия и показал, что его доля в долгую сторону падает. С выводами спорят часть историков и статистиков.

им выбрали? Как быстро? Сколько уходят совсем? Это и есть их дистанция бегства, Нина. Её просто никто не считал.

Она посмотрела на свой телефон — он так и лежал на столе экраном вверх. Если он прав, она сама — точка на его кривой. И точка, похоже, в самом ручном хвосте.

— А если индекс покажет то, что вам не понравится?

— Тогда тем более нужна ты, — сказал он. — Ты ни разу не подогнала мне таблицу.

— Контракт на полгода, — сказал он. — Консультация. Деньги приличные, по норвежским меркам — неприличные. Ты сможешь продолжать своих песцов, тебе нужна только сеть и голова. А в марте покажешь нам первую версию. До голосования.

Она смотрела на его лицо на экране — на то, как он ждал, не торопя её, — и думала о том, что её грант кончается в апреле и что продлевать его пока никто не обещал. Он, конечно, это знал. Он всегда знал такие вещи.

— Почему я? — спросила она. — Правда. Не про голову.

Он помолчал. Карандаш снова застучал по столу.

— Потому что ты там, на краю, — сказал он наконец. — Ты двадцать лет смотрела, как дикое становится ручным, а теперь сидишь там, где люди держат свои резервные копии. Семена, архивы, вот это всё. Оттуда виднее. — И, словно спохватившись, что сказал что-то лишнее, добавил другим тоном: — И потому что я по тебе скучал. Это не причина, но это правда.

* * *

После разговора она долго сидела, не включая свет.

Ей было двадцать один год, когда она впервые приехала на ферму. Март девяносто шестого, грязный снег, запах — его невозможно забыть: острый, мускусный, пополам с запахом хлорки и мокрого шифера. Длинные ряды клеток, сотни. Брагин заведовал соседней лабораторией, лабораторией эволюционной генетики поведения, и на ферму приезжал как на праздник — всегда с термосом, всегда в одной и той же синей куртке. Он провёл её вдоль рядов, и в первом ряду были лисы, которые, когда он подходил, вжимались в задний угол клетки и скалились — контрольная линия, обычные звери со звероводческой фермы. А в третьем ряду — лисы, которые бросались к сетке, скулили, виляли хвостами и переворачивались на спину.

«Смотри не на лису, — сказал он тогда. — Каждая отдельная лиса тебе ничего не скажет. Одна боится, потому что у неё болит зуб, другая ластится, потому что голодная. Смотри на распределение. Отбор работает не с особями. Отбор работает с хвостами распределений».

Она запомнила это навсегда, как запоминают заповедь.

Потом были двадцать лет. Диссертация о гормонах стресса — о том, что у ручных лис уровень кортизола[20] в крови в разы ниже, чем у диких, что они не просто ведут себя спокойнее, они и есть спокойнее, и что спокойствие это насле-

[20] Главный гормон стресса. У ручных лис его уровень ниже, чем у агрессивных.

дуется, как цвет глаз. Потом статьи. А в самом начале, в конце девяностых, — голодные годы, когда денег на корм не было и поголовье пришлось сократить в разы. Она помнила — это она помнила хуже всего и точнее всего — как сидели в бытовке над журналами и решали, кого оставить. Не по жалости. По баллам. По ручности, по родословной, по ценности для эксперимента. Она ставила галочки в списке. Каждая галочка — лиса, которая будет жить. Пустая строка — лиса, которая не будет. Она тогда сказала себе, что это и есть селекция, что этим занимается каждый селекционер и каждый фермер на земле с тех пор, как кто-то впервые решил, какую корову оставить на племя. Это было правдой. Это и сейчас было правдой.

Брагин уехал в две тысячи третьем. Уехал в Уппсалу[21], на позицию, о которой мечтал, и оставил в Новосибирске жену и сына. Об этом Нина узнала не от него, а от его жены, Тамары Ильиничны, которая однажды пришла в лабораторию, села на табуретку у её стола и полчаса молчала, а потом сказала: «Он всегда говорил, что свобода — это когда никто не держит. Его никто не держал». Сын Брагина, Лев, с ним с тех пор не разговаривал. Нина знала это от общих знакомых, хотя никогда не спрашивала.

Она подумала: зачем он позвонил на самом деле? И сама себе ответила, что ищет в его словах второе дно, потому что так привыкла, потому что двадцать лет её работа состояла в

[21] Старый университетский город в Швеции.

том, чтобы не верить тому, что зверь показывает, а мерить то, что он делает. Брагин показал ей проект, деньги и тоску. Он не сказал ей ничего такого, что не было бы правдой.

Она взяла сорок первую тетрадь, полевую, с песцами, перевернула её задом наперёд и на последней странице, не думая, записала три строки, как записывала в начале каждого сезона:

«Что мерить: доля особей, хоть раз сменивших умолчание.

Как быстро: время от предложения до отказа.

С чем сравнить: с тем, что было бы, если бы никто не выбирал за них».

Третья строка была самой трудной, и она это знала. У Беляева была контрольная линия — лисы, которых никто не отбирал. У человечества контрольной линии не было.

Только одна фраза царапала, и она не могла понять почему. «Оттуда виднее».

* * *

Ася позвонила в десять, сама, впервые за две недели. Нина увидела её имя на экране и почувствовала то, что чувствовала всегда, — радость и напряжение сразу, как перед экзаменом.

— Привет, мам. Не спишь?

— Нет. Здесь не поймёшь, когда спать.

— Я знаю. — Пауза. — Мне Брагин писал.

Нина замерла.

— Тебе?

— Ну, не он лично. Его институт. Они ищут асессоров[22] с когнитивным образованием. Для какого-то большого проекта. Я сказала, что подумаю. — Ещё пауза. — Это из-за тебя?

— Я узнала о его проекте два часа назад.

— Понятно. — По голосу нельзя было понять, верит ли Ася. Она давно научилась говорить ровно, без интонаций, которые можно было бы потом вменить ей в вину. — Ну, в общем, я решила тебе сказать. Чтобы ты не узнала от него.

— Спасибо. — Нина помолчала. — А что ты сейчас делаешь? На работе.

— Ты же знаешь. Не имею права говорить, на кого работаю.

— Я не спрашиваю на кого. Я спрашиваю что.

Ася вздохнула — тем вздохом, которым вздыхала с четырнадцати лет.

— Ставлю оценки. Мне дают вопрос и два ответа машины, я выбираю лучший. И объясняю почему. Сотни в день. Потом машина учится отвечать так, как мне нравится. Ну, не мне лично. Нам. Таким, как я. — Она помолчала. — В каком-то смысле я её дрессирую.

— А она тебя? — спросила Нина прежде, чем успела остановиться.

Тишина в трубке длилась ровно столько, чтобы стать от-

---

[22] Человек, который оценивает ответы систем ИИ; по его оценкам системы дообучают.

ветом.

— Мама.

— Прости. Это профессиональное.

— У тебя всё профессиональное. — Голос Аси не стал громче, только тоньше. — Ладно. Я спать. У меня смена с шести утра. Поменяй, кстати, мелодию. Ты единственный человек, у которого до сих пор стоит эта.

Она отключилась. Нина посмотрела на телефон. Синие волны. Стандартная мелодия, которую она никогда не слышала как мелодию, только как сигнал.

Она не стала её менять. Не из упрямства, сказала она себе. Просто незачем.

* * *

Ночью она нашла в сети запись лекции Брагина — прошлогодней, для широкой публики, в каком-то культурном центре в Осло. Полтора часа. Она слушала её, лёжа в темноте, с телефоном на груди, и его голос заполнял маленькую комнату так же, как когда-то заполнял аудиторию в Академгородке[23].

* * *

ВСТАВКА. Расшифровка публичной лекции В. А. Брагина «Одомашнивание как стратегия выживания», Осло, ноябрь 2025 г. (фрагмент; перевод с ан-

---

[23] Научный городок под Новосибирском (с 1957 года). Здесь Институт цитологии и генетики, к которому относится экспериментальная ферма, где выводят ручных лис.

глийского)

…Беляев не выводил пегих лис. Он не выводил висячих ушей. Он отбирал только одно — то, как зверь встречает человека. Всё остальное пришло само, как сдача с крупной купюры. Генетики до сих пор спорят, почему: одна из гипотез говорит, что все эти признаки связаны с одной и той же группой клеток зародыша, и, отбирая спокойствие, вы неизбежно трогаете и уши, и шерсть, и морду. Неважно. Важно другое: одомашнивание — не украшение. Это сдвиг всей системы.

Теперь посмотрите на себя. На нас. За последние пятнадцать–двадцать тысяч лет у человека уменьшились надбровные дуги, стало мягче лицо, снизилась — это видно по всем данным, какие у нас есть, — готовность к внезапной, реактивной агрессии. Мы казнили буйных. Мы стыдили непокорных. Мы изобрели богов, которые видят всё, и законы, которые записаны навсегда. Мы приручали себя. Не потому, что кто-то так решил, а потому, что приручённые выживали лучше: они могли жить большими группами, торговать с чужими, не убивать друг друга за кусок мяса.

Меня часто спрашивают: вы что же, хотите, чтобы мы стали домашними животными? Я

отвечаю: мы ими уже стали. Посмотрите на себя в метро. Посмотрите, как мы стоим в очередях, как ждём зелёного света на пустом перекрёстке. Свобода, если хотите, — это дистанция бегства. А цивилизация — это история её сокращения.

Вопрос не в том, одомашниваемся ли мы. Это решено десять тысяч лет назад. Вопрос в том, кто держит секундомер. Раньше его не держал никто: был слепой отбор, войны, эпидемии, случай. Сейчас впервые в истории мы можем взять его в руки сами. Мы можем решить, каким будет синдром. Мы можем выбирать — и, на мой взгляд, обязаны выбирать, потому что если не выберем мы, выберет кто-то другой. Или что-то другое.

(Смех в зале. Брагин делает паузу.)

Я не шучу. Помните ту лису из детской книжки, которая сама просила, чтобы её приручили? Все думают, что это сказка про любовь. Это сказка про отбор. Лиса просила потому, что знала: дикую лису однажды застрелят. Ручную — накормят. Она сделала рациональный выбор. Я хотел бы, чтобы и мы его сделали. Сознательно, с открытыми глазами, пока у

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.